

СССР И КИТАЙ В 1950-Х–1960-Х ГГ.: ВЗГЛЯД АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Е.Г. Сакович (Минск, Беларусь)

Прежде всего, стоит пояснить термин «англоязычная историография», который использовался в настоящей статье для анализа мнений авторов на проблематику взаимоотношений СССР и Китая в 1950-х - 1960-х гг. В академическом сообществе в отношении термина «англоязычная историография» отсутствует единое мнение, какие именно государства должны быть включены в этот список. Одни ученые ограничивают употребление данного термина только двумя странами – США и Канадой (англоязычная часть). Другие, напротив, предпочитают использовать термин в более широком смысле и утверждают о необходимости включения в «англоязычный» список Новой Зеландии и ЮАР. Третьи сходятся во мнении в том, что тот список следует ограничить только четырьмя государствами – Великобританией, США, Канадой и Австралией [14, с. 13]. Поливариантный подход авторов к выбору стран объясним, в том числе, происходящими процессами в современном научном мире, связанными с постепенным стиранием границ национальных историографий и формированием единого поля с включением в него ученых из разных стран. Обмен международным исследовательским опытом, появление международных научных программ, написание совместных работ англо- и русскоязычными учеными, – все это свидетельствует о наличии интеграционных процессов в научном мире.

Первостепенное значение в академических кругах получила проблема концептуального обоснования причин разногласий СССР и Китая. Проследить закономерности конфликта ученые пытались с помощью концепций, применяемых в анализе функционирования и распада империй. Дж. Гросс отмечал, что СССР, унаследовав от Российской империи экспансионизм, стремился расширить свое влияние посредством формирования «социалистического лагеря», который географически объединил обширную территорию от Венгрии до Китая. При этом автор подчеркивал, что СССР, как любая другая империя, оказался не в состоянии длительное время сдерживать стремительный рост на окраинах [3, р. 272].

О процессах раскола в советской империи писал Б. Морис. Ученый утверждал, что Китай и Югославия, в отличие от остальных социалистических сателлитов, имели исторически сложившиеся предпосылки для разрыва с СССР, так как национализм там имел всегда сильные позиции [5, р. 137].

Некоторые авторы предложили альтернативные концепции в объяснении советско-китайского конфликта и попытались истолковать начало разногласий между двумя государствами с помощью «идеологической» концепции. Впервые ее использовал Б. Вульф в статье «Коммунистическая идеология и советская внешняя политика», опубликованной в 1962 г. в журнале «Международные отношения» (*Foreign Affairs*), для объяснения нарастания дестабилизационных процессов в странах социалистического лагеря в 1950-е гг. Ученый утверждал, что «большевистская идеология с момента своего возникновения представляла собой своеобразную смесь догматизма и тактической гибкости» [11, р.159]. Автор считал, что подобный тип идеологии не может существовать длительное время без изменений, которые могут вызвать различные факторы [11, р.159].

К «идеологической» концепции в объяснении противоречий по линии СССР- социалистические страны обращался Дж. Кеннан. Исследователь утверждал, что СССР посредством силы распространял идеологию в странах Восточной Европы и Азии, что в итоге вызвало в некоторых из них процессы отклонения от советского образца и стремления к собственной легитимизации [4, р. 860].

Вопрос поиска соответствующей дефиниции советско-китайским разногласиям в академической среде получил первостепенное значение. В ходе активной полемики единой точки зрения так и не было выработано в силу того, что исследователи использовали различные критерии оценки. Одни ученые (В. Гриффит), подчеркивая глубокую природу двусторонних разногласий, утверждали о правомерности использования термина «фаскол» [2, р. 130], другие (Д. Загория) указывали на их кратковременный характер и считали целесообразным применить определение «конфликт» или «спор» [12, р. 45], третьи (Х. Сельсбери) утверждали, что обострение советско-китайских отношений середины 1950-х гг. имело итогом дестабилизацию всего социалистического лагеря, и настаивали на использовании дефиниции «война» [6, р. 47].

Поливариантный подход англоязычных исследователей прослеживается и в рассмотрении причин начала раскола, установлении точного года и определении инициатора. Х. Сельсбери и Д. Флойд активно проводили в жизнь идею о том, что глубокие корни конфронтационного поведения двух государств были заложены, по выражению авторов, еще в «седой древности». Д. Флойд в исследовании «Мао против Хрущева. Краткая история китайско-советского конфликта», считал, что основа разногласий сформировалась еще в XIX в. и проявилась в соперничестве за приобретение новых территорий и постоянном дипломатическом и экономическом давлении на Китай со стороны России [1, р. 54].

Британский ученый Р. Свиринген, обращаясь к определению истоков разногласий, видел их в особенностях исторического развития Китая. Ученый выделял два базисных фактора, которые, на его взгляд, предопределили неизбежность конфронтации: историко-культурное наследие страны и многовековую неприязнь Китая к России и Западу. Антизападные и антисоветские настроения китайского лидера были

продиктованы его стремлением взять реванш за политику России и Запада в отношении Китая в XVIII-XIX вв. и таким образом повысить свой авторитет в мировом коммунистическом движении [8, p. 119].

На комплексном подходе в определении причин советско-китайского раскола настаивали авторы сборника статей «Сравнение коммунизма: советская, китайская и югославская модель», опубликованного в 1976 г. С. Шрэм, освещающий китайскую тематику сборника, считал, что глубокие корни конфронтации лежат в исторических, геополитических и культурных особенностях двух стран, а также в идеологических и политических различиях между КПСС и КПК [7, p. 161].

Что касается проблемы установления инициатора раскола, в академической англоязычной среде имелись противоположные точки зрения. С. Жишуа проследил роль Мао Цзэдуна в обострении отношений с СССР. Автор, как и большинство исследователей, признавал ответственность китайского лидера в начале и эскалации конфликта. С. Жишуа в качестве даты раскола называл 1958 г., хотя при этом отмечал, что начиная с 1945 г. советско-китайские отношения можно рассматривать как его вводную часть. Мао Цзэдун уже в середине 1940-х гг. был убежден в необходимости занять место СССР в «социалистическом лагере», а смена власти в Кремле в марте 1953 г. только укрепила его намерения [13, p. 216-217].

Альтернативную точку зрения на проблематику предложил Д. Вэнг в статье «Ссорящиеся братья: новые китайские архивы и пересмотр китайско-советского раскола, 1959-1962», основанной на китайских архивных источниках. Автор отмечал, что большинство ученых, работавших в период «холодной войны», были склонны рассматривать китайского лидера в качестве инициатора советско-китайской конфронтации. Новые архивные источники, как подчеркивал ученый, свидетельствуют о том, что Мао Цзэдун занимал более реалистичную позицию и вплоть до 1959 г. стремился предотвратить обострение отношений. После открытого столкновения с США в Тайваньском проливе в 1958 г. китайский лидер стал опасаться рецидива и пытался убедить советское руководство в том, что «Америка представляет самую большую опасность и Китаю, и СССР, которых рано или поздно может поймать в ловушку» [10, p. 69].

Идею обоюдной ответственности китайской и советской сторон в начале конфликта предложил У. Таубман, который в исследовании «Хрущев против Мао: изучение роли персонального фактора в развитии советско-китайского раскола» на основе воспоминаний Н.С. Хрущева представил доказательства виновности обоих. Анализируя развернувшуюся полемику между китайским и советским лидером, исследователь утверждал, что Мао Цзэдун в выпадах по отношению к Н.С. Хрущеву сознательно старался его унижить. В свою очередь, Н.С. Хрущев также не скупился на эпитеты и называл Мао «азиатом». В. Таубман отмечал, что имевшая место полемика – это реакция Мао Цзэдуна и Н.С. Хрущева друг на друга, истоки которой лежат в личных качествах советского лидера, в котором честолюбие и низкий культурный уровень поразительно сочетались с огромными амбициями, и китайского лидера – принципиального и неуступчивого [9, p. 171].

Таким образом, в изучении взаимоотношений СССР и КНР в 1950-х-1960-х гг. англоязычные авторы акцентировали внимание на рассмотрении причин начала двусторонних разногласий, выявлении их инициатора и поиска подходящей дефиниции для наименования нарастающих разногласий между двумя странами. Немаловажное значение придавалось и концептуальному обоснованию противоречий между СССР и Китаем.

1. Floyd, D. *Mao Against Khrushchev: a Short History of the Sino-Soviet Conflict* / D. Floyd. – New York : Praeger, 1963. – viii, 456 p.
2. Griffith, W. *Albania and the Sino-Soviet Rift* / W. Griffith. – Cambridge : M.I.T. Press, 1963. – xv, 423 p.
3. Gross, G. *Communist Divided: Some Considerations for American Policy* / G. Gross // *The Russian Review*. – 1969. – № 3. – P. 265–276.
4. Kennan, G (X) *The Sources of Soviet Conduct* / G. Kennan // *Foreign Affairs*. – 1987. – № 4. – P. 852–868.
5. Morris, B. *Soviet Policy toward National Communism: the Limits of Diversity* / B. Morris // *American Political Science Review*. – 1959. – № 1. – P. 128–137
6. Salisbury, H. *War between Russia and China* / H. Salisbury. – New York : Norton, 1969. – 224 p.
7. Schram, S. *Chinese and Leninist Components in the Personality of Mao Tse-Tung* / S. Schram // *Comparative Communism: the Soviet, Chinese and Yugoslav Models* / completed by G. Bertsch, T. Ganschow. – San Francisco : W.H. Freeman, 1976. – P. 151–162.
8. Swearingen, R. *Moscow-Peking Relations in Perspective* / R. Swearingen // *Soviet and Chinese Communist Power in the World Today* / edited by R. Swearingen. – New York : Basic Books, 1966. – P. 102–122.
9. Taubman, W. *Khrushchev vs Mao. A Preliminary Sketch of the Role of Personality in the Sino-Soviet Split* / W. Taubman // *Cold War International History Project* [Electronic resource]. – Bulletin № 10. – P. 162–182. – Mode of access: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=topics.publications&group_id=11904. – Date of access: 01.05.2011.
10. Wang, D. *The Quarrelling Brothers: New Chinese Archives and Reappraisal of the Sino-Soviet Split, 1959–1962* / D. Wang // *Cold War International History Project* [Electronic resource]. – Working Paper № 49. – 86 p. – Mode of access: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=topics.publications&group_id=11903. – Date of access: 01.05.2011.
11. Wolfe, B. *Communist Ideology and Soviet Foreign Policy* / B. Wolfe // *Foreign Affairs*. – 1962. – № 1. – P. 152–170.
12. Zagoria, D. *Vietnam Triangle; Moscow, Peking, Hanoi* / D. Zagoria. – New York : Pegasus, 1967. – xiv, 286 p.
13. Zhihua, S. *After Learning to One Side: China and Its Allies in the Cold War* / S. Zhihua. – Washington ; D. C. : Woodrow Wilson Center Press ; Stanford, Calif. : Stanford University Press, 2011. – xix, 352 p.
14. Шабасова, М.А. *Англо-американская историография политической истории России 1991–1999 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / М.А. Шабасова. – Минск, 2008. – 139 с.*